

Бай Цици без всякой скромности принял эту полную энтузиазма похвалу, и в его глазах вспыхнул яркий свет: — Спасибо тебе, Джеймс! Огромное спасибо за то, что всё это время помогал мне с экспериментами!

Услышав похвалу от Шэнь Сицзэ, Джеймс густо покраснел, а в его ярко-синих глазах отчетливо читалось восхищение Шэнь Сицзэ. Шэнь Сицзэ был самым красивым выходцем из Хуаго, которого он когда-либо встречал. Нет, даже среди уроженцев Миго не нашлось бы никого, кто заставил бы его сердце биться так сильно. В Шэнь Сицзэ словно крылась особая аура, незримое притяжение, заставлявшее Джеймса неотступно следовать за ним.

К тому же он был настоящим гением! В Университете Харриса он ни в чем не уступал тем выдающимся выпускникам, что уже окончили учебу, — без сомнения, его ждет мировая слава! Джеймс не смог сдержать захлестнувших его эмоций, шагнул вперед и крепко обнял Шэнь Сицзэ. Он невероятно ждал этого дня!

Бай Цици едва справлялся с бурным темпераментом Джеймса, который напоминал готового в любой момент броситься на хозяина огромного пса, и с улыбкой похлопал его по спине.

Эту сцену застал Шэнь Цзюань, приехавший забрать Шэнь Сицзэ домой. Стоя у входа, он в упор смотрел на Джеймса, а его глаза слегка покраснели от разгоравшегося внутри пламени ревнивой ярости!

Этот сопляк, выросший в Миго, вечно пользовался предлогом западной социальной свободы и бурной жестикуляции, чтобы подобраться к Шэнь Сицзэ поближе.

Шэнь Цзюань смотрел на происходящее, из последних сил сдерживая себя, чтобы в порыве безумия не подлететь и не оторвать Джеймса от Шэнь Сицзэ.

— Сицзэ, уже поздно, я приехал забрать тебя домой, — Шэнь Цзюань подошел к входу в лабораторию и низким, чуть холодноватым голосом прервал их страстные объятия.

Бай Цици заметил Шэнь Цзюаня и, взглянув на часы, понял, что уже почти полночь.

По меркам Университета Харриса это было вовсе не поздно. Будучи передовым учебным заведением, этот университет собирал под своей крышей умы со всего мира; студенты жадно впитывали здесь знания, росли в атмосфере соперничества и борьбы, а засиживаться за исследованиями и экспериментами до трех-четырех часов ночи было для них обычным делом. Бай Цици обычно уходил сравнительно рано, и лишь сегодняшнее тестирование игры затянулось до стольких.

Поэтому он слегка оттолкнул Джеймса: — Ладно, мне пора домой, и тебе тоже ступай спать.

Джеймс с явным нежеланием отпустил Шэнь Сицзэ: — Увидимся на отборочных, Зез, ты

обязательно станешь чемпионом.

В синих глазах Джеймса светилась глубокая вера и обожание.

Бай Цици легко улыбнулся и игриво подмигнул ему: — Само собой!

Джеймс почувствовал, будто его сердце пронзила стрела.

Как можно быть одновременно настолько гениальным и таким милым? Он казался цельным воплощением притягательных противоречий.

Шэнь Цзюань с трудом подавил порыв просто утащить Шэнь Сицзэ с собой, но выносить эту картину дольше было выше его сил, и он не выдержал: — Хватит, нам пора ехать.

Только тогда Джеймс поприветствовал Шэнь Цзюаня. Он мало что знал о Шэнь Цзюане, полагая, что тот приходится Шэнь Сицзэ опекуном. К тому же этот красивый мужчина явно имел примесь западной крови, что делало его в глазах Джеймса чуточку ближе.

Однако Шэнь Цзюань неизменно держался с Джеймсом холодно и отстраненно, чего этот излишне жизнерадостный здоровяк почему-то упорно не замечал.

Всю дорогу Шэнь Цзюань вел машину, направляясь к их дому — красивому двухэтажному особняку в Миге с ухоженным садом перед фасадной частью и ровной лужайкой на заднем дворе. Дом был небольшим, но полностью обустроенным; более того, специально ради состояния здоровья Шэнь Сицзэ лифт установили сразу же по их приезде. Большую часть своего бизнеса Шэнь Цзюань тоже перенес сюда.

Обычно они жили вдвоем, их спальни на втором этаже располагались вплотную друг к другу, а заботу о повседневной жизни Бай Цици Шэнь Цзюань почти полностью брал на себя. И Бай Цици был невероятно доволен Шэнь Цзюанем.

Кто бы мог подумать, что жестокий и безжалостный к врагам по первоначальному сюжету Шэнь Цзюань окажется способен на такую нежность и заботу? Его секретарь, поначалу делавший круглые от удивления глаза, за последние два года постепенно привык и воспринимал всё как должное.

Когда Шэнь Цзюань на руках вынимал его из машины, Бай Цици машинально обвил руками шею мужчины, разглядывая его безупречно красивый профиль. Шэнь Цзюань был до того хорош собой, что даже под столь неудачным ракурсом оставалось лишь восхищаться мастерством создателя. Резкая, плавная линия подбородка, изящная шея, красивые ключицы, тонкие губы, которые так и просили поцелуя. Особенно выделялся ходивший ходуном кадык, излучавший чисто мужскую, зрелую сексапильность.

Бай Цици не удержался и слегка провел по нему пальцем.

Шэнь Цзюань отреагировал мгновенно.

Шэнь Цзюань и без того едва сдерживался под его неотрывным взглядом, готовый сойти с ума. Когда человек, которого ты тайком любишь, изучает тебя дюйм за дюймом, это всё равно что жариться на медленном огне. Кто бы мог подумать, что у этого мальчишки хватит наглости распускать руки! Шэнь Цзюань поспешно швырнул его на мягкий диван, навис сверху, придавливая своей тяжестью, и хрипло, низким, полным магнетизма голосом произнес: — Поздно возвращаешься, и всё равно не сидится на месте?

Этот до предела охрипший и глубокий голос мгновенно заставил уши Бай Цици онеметь, будто сквозь них пропустили разряд тока, и в груди поднялось странное, щемящее чувство.

Ухватившись за галстук Шэнь Цзюаня, Бай Цици блаженно развалился на диване и капризно протянул: — А кто меня так балует?

Говоря это, он позволил себе уютно зарыться в диванные подушки, скосив глаза и исподлобья глядя на Шэнь Цзюаня.

Этот взгляд, похожий на кошачий, с бесчисленными манящими крючочками, впился в сердце Шэнь Цзюаня так, словно его терзали десятки тысяч муравьев, вызывая приятный, сладкий зуд во всех внутренностях. Шэнь Цзюань уткнулся лицом в его плечо, глубоко вдохнул, а затем резко выпрямился и быстрым, едва ли не сбежавшим шагом направился в комнату.

Наблюдая за его поспешным уходом, Бай Цици хихикал, катаясь по дивану, пока на глазах не выступили слезы. Шэнь Цзюань обычно был серьезен и рассудителен, но в последнее время всё чаще терял над собой контроль.

Зажав в зубах уголок диванной подушки, Бай Цици смотрел вслед мужчине взглядом, полным соблазна.

Бай Цици ежедневно уделял время реабилитации, и никакие задержки не были оправданием — сколько бы ни было времени, Шэнь Цзюань неизменно сопровождал его на каждом этапе. Даже когда со временем наметился прогресс и Бай Цици изредка заикался о том, что справится сам и не хочет отвлекать Шэнь Цзюаня от работы, тот каждый раз наотрез отказывался.

Впрочем, Бай Цици и сам был не против наслаждаться такой заботой о себе.

Теперь он уже мог самостоятельно вставать, пусть пока и не получалось стоять подолгу. Шэнь Цзюань крепко держал его за руку, помогая медленно шагать вперед, а его сухое, согревающее тепло обволакивало со всех сторон. Бай Цици терпеливо следовал заданному ритму

тренировок: ему требовалось укрепить мышцы ног и заново обрести уверенность, почувствовав под ногами твердую опору. Впрочем, для него это было лишь вопросом времени.

Во время реабилитации Шэнь Цзюань всегда проявлял крайнюю педантичность, переживая процесс даже эмоциональнее самого пациента. Заметив его сосредоточенное выражение лица, Бай Цици лукаво перевел взгляд черных, как виноград, глаз и затеял небольшую шалость.

Внезапно его нога подогнулась, и он всем телом завалился набок, испуганно выкрикнув: — Шэнь Цзюань, спаси меня!

У Шэнь Цзюаня сердце ушло в пятки. С молниеносной реакцией он подхватил Шэнь Сицзэ за талию, прижал к себе и рухнул на пол вместе с ним, приняв весь удар на себя и послужить живым матрасом. К счастью, пол в реабилитационном зале был покрыт специальным защитным покрытием, предотвращающим травмы, так что падение оказалось совсем не болючим.

И тем не менее Шэнь Цзюань переживал так, будто случилась катастрофа. Крепко прижимая Шэнь Сицзэ к груди, он успокаивающе гладил его по волосам: — Что такое? Тебе где-то больно?

Однако Бай Цици вынырнул из его объятий и легонько подергал мужчину за палец: — Я устал, больше не хочу заниматься.

Он капризно обнял его за руку, прижался и протянул последние слова так мягко и сладко, что это напоминало помахивание лисьей хитрой лапки, щекотавшей сердце Шэнь Цзюаня. Пушистые ворсинки этого прикосновения будили зуд и приятное оцепенение.

Дыхание Шэнь Цзюаня сбилось. Еле утихшая волна желания накатила с новой силой; он боялся пошевелиться, держа Шэнь Сицзэ в объятиях, а его глаза покраснели от сдерживаемого напряжения. Понимал ли вообще Шэнь Сицзэ, до чего же соблазнительно он сейчас выглядит?

Если бы кто-то другой увидел его в таком виде, Шэнь Цзюань был готов убить этого смельчака на месте!

— Что такое? Ты сердишься, что я не хочу больше заниматься? — с наивной обидой спросил Бай Цици, глядя на него полными детского доверия черными глазами.

От такого взгляда Шэнь Цзюаня едва не рассудок покидал. С одной стороны, желание всецело завладеть Шэнь Сицзэ жгло его так сильно, что раскалялись сами кости; с другой — ему безумно нравилось это абсолютное, безоговорочное доверие. Хотя, если бы те мысли, что роились у него в голове, выплеснуть сейчас перед Шэнь Сицзэ, тот наверняка сгорел бы со стыда и бросился бежать без оглядки.

Прояви он хоть капельку вредности — и он бы наверняка стал любоваться выражением лица Шэнь Сицзэ, не позволяя тому сбежать.

Шэнь Сицзэ принадлежит ему, и никому больше. Пусть тот и называет его дядей, между ними нет ни капли кровного родства. Семейство Се уже давным-давно отсеклось от неблагодарного Шэнь Чена, а он сам разрушил эту тонкую видимость родственных связей еще до отъезда.

Теперь ни с юридической, ни с моральной точки зрения они не связаны ничем, оба — свободные люди.

В темных глазах Шэнь Цзюаня плескалась непроглядная тьма: рано или поздно Шэнь Сицзэ станет его.

<http://bllate.org/book/20888/2111734>